

Длинные, подобные шелковому полотну золотые волосы Мориса ниспадали до самой талии. И пускай они немного смягчали его суровый облик, безупречно высеченное, невероятно красивое лицо по-прежнему казалось скованным тонкой ледяной коркой, а в бирюзовых глазах, превосходивших глубиной и цветом самую чистую морскую лазурь, застыл холод. Строгий, идеально подогнанный военный мундир лишь подчеркивал это сходство: Морис походил на обнаженный клинок — смертоносный, еще не вынутый из ножен, но уже подавляющий волю своей безмолвной, пугающей мощью.

Хань Цзин тайком наблюдал за ним. Ему казалось, что даже переливающийся мириадами огней сектор Роедлас блекнет на фоне этого ослепительного величия.

— Сразу в «Нерей»? — спросил Морис. Его ровный, лишенный эмоций голос повеял легким сквозняком.

— Нет, сначала в сектор Сквер. Нас там ждет Роджер.

Отгнав лишние мысли, Хань Цзин потянулся к голографической панели, чтобы выбрать маршрут, но в то же мгновение к экрану протянулась и рука Мориса. Пальцы их соприкоснулись. Оба замерли. Легкое, едва уловимое прикосновение отозвалось в груди Хань Цзина гулким ударом сердца; на секунду им овладело безумное, отчаянное желание сжать эту теплую ладонь в своей. Но Морис тут же отстранился.

— Выбери вторую колонку слева, пункт «Сквер», — Морис едва заметно нахмурился, и его тон сделался еще суше.

— Есть, — Хань Цзин коснулся нужной иконки.

Прозрачная кабина лифта плавно скользнула вниз, но юноше было уже не до сменяющих друг друга подводных чудес. В груди ворочалось странное, беспокойное чувство, перерастающее в глухой, томительный жар. Он никак не мог разгадать Мориса. Тот казался безучастным и холодным, но согласился пойти с ним в «Нерей» и даже сам закрепил на его ухе коммуникатор.

«Что все это значит? Почему он согласился жить со мной в одних апартаментах? Да еще и с этой единственной двуспальной кроватью...»

Мысли путались, сбивая с толку. Хань Цзин чувствовал, как по венам разливается душная, лихорадочная волна, пробуждая внутри глухое томление.

«Да что со мной такое?! Я ведь никогда не был рабом плотских желаний. Почему рядом с ним я теряю всякий контроль над собой? Почему в памяти раз за разом всплывают те сладострастные видения иллюзии Атлантиды?»

Ему нестерпимо хотелось встряхнуть головой, силой выгнать, разбить в пыль эти навязчивые, обжигающие картины.

Кабина лифта замерла, двери бесшумно разъехались, и Морис первым вышел на платформу сектора Сквер. Заметив, что спутник отстал, он остановился и обернулся, глядя на погруженного в свои мысли Хань Цзина.

Поколебавшись мгновение, он впервые негромко, но отчетливо позвал его по имени:

— Хань Цзин?

На этот раз в его голосе не было привычной стужи — скорее, промелькнуло нечто странное, трудно поддающееся определению. К сожалению, Хань Цзин этого не заметил. Он поспешно выбежал из лифта и смущенно пробормотал:

— Простите, генерал... Морис!

Морис поспешил укрыть мимолетное замешательство за маской привычного равнодушия, из-за чего Хань Цзин решил, будто генерал не в духе.

Тем не менее, юноша не растерялся. Обладая завидным самообладанием, он тепло улыбнулся и открыто встретил этот ледяной взгляд.

— Если мы выбрались поужинать, нужно делать это с хорошим настроением. Иначе даже самые изысканные деликатесы покажутся пресными. Это мое золотое правило, генерал Морис.

Морис лишь слегка приподнял бровь. Он ничего не ответил, но в глубине его синих глаз на мгновение вспыхнули золотистые искры, растопив минутную холодность.

— Хань Цзин! — раздалось издалика.

Полы длинного плаща Роджера развевались на ходу. Он приветливо замахал рукой, приближаясь к ним.

— Роджер! — Хань Цзин радостно шагнул ему навстречу.

Роджер панибратски, с оттенком легкого кокетства потянул Хань Цзина за мочку левого уха:

— А ты неплохо устроился, книжный червь! Сектор Роедлас, надо же! И коммуникатор сидит как влитой. Сам справился?

— Нет, это генерал Морис помог мне, — ответил Хань Цзин и указал за спину.

Взгляд Мориса, стоявшего чуть поодаль, снова стал острым и холодным как бритва.

— О... — Роджер осекся. Улыбка мгновенно сползла с его лица. Он вытянулся в струнку и отдал Морису честь по всей форме:

— Господин генерал!

Роджер панически уставился на Хань Цзина, всем своим видом посылая ему отчаянный мысленный сигнал:

«Паршивец! Каким ветром тебя занесло к этому ледяному айсбергу? И где, черт возьми, твой настоящий сосед по комнате?!»

— Так это и есть твой старший сокурсник? Тот самый Роджер, известный своими любовными похождениями эксперт по древним языкам? — Морис окинул гостя ледяным взглядом, не заботясь о вежливости.

В голове Роджера пронеслась зловещая догадка. Он незаметно подмигнул Хань Цзину, отчаянно молясь, чтобы судьба не сыграла с ним столь злую шутку.

Слова Хань Цзина заставили Роджера мысленно забиться головой о стену:

— Роджер, генерал Морис — это и есть мой сосед, о котором я рассказывал.

Затем юноша поспешил заступиться за друга перед генералом:

— Господин генерал, пусть в студенческие годы Роджер и слыл повесой, сейчас он остепенился, женился и давно оставил прежние привычки в прошлом.

«Сам виноват, нечего пенять на судьбу!»

Роджер проклинал собственное любопытство. Он ведь уловил нерешительность в голосе Хань Цзина, но извечная привычка заводить полезные знакомства взяла верх — он хотел помочь младшему товарищу поскорее наладить контакт с соседом. Кто же знал, что этим соседом окажется сам Морис Норман? Знай он хоть краем уха о подобном раскладе, ни за что не пришел бы сюда, даже если бы Хань Цзин умолял его на коленях.

Оказавшись в ловушке под прицелом холодного взгляда генерала, Роджер натянул фальшивую улыбку:

— Что ж, раз Хань Цзин под присмотром генерала Мориса, мне как старшему товарищу больше не о чем беспокоиться.

— Не путайте службу и личную жизнь, Роджер, — сухо отчеканил Морис, прекрасно знавший о манере лингвиста втираться в доверие к нужным людям.

— Разумеется! И все же я надеюсь на ваше снисхождение к Хань Цзину в нерабочее время, — Роджер искренне переживал, что прямолинейный и временами упрямый Хань Цзин умудрится навлечь на себя гнев этого грозного человека.

Эти слова, сказанные без задней мысли, заставили обоих его собеседников неуволимо перемениться в лице.

— Роджер, не преувеличивай, я вовсе не такой беспомощный, — разрядил обстановку Хань Цзин. — Пойдемте в «Нерей»? Мне не терпится увидеть этот глубоководный ресторан.

Ресторан «Нерей» располагался прямо в секторе Сквер, напротив знаменитой глубоководной галереи. Стены заведения были абсолютно прозрачными, создавая полную иллюзию присутствия на морском дне в окружении чистейшей сапфировой бездны. Шестигранные кристаллы Туаой, вмонтированные в стены и потолок, мягко преломляли свет, заливая залы ровным, ласкающим взор сиянием. Под звуки негромкой, умиротворяющей музыки накопившаяся усталость мгновенно улетучивалась.

Стоило им переступить порог, как прямо перед ними развернулся световой экран, на котором соткалась реалистичная голограмма улыбающейся златовласой девушки.

— Добро пожаловать. У вас забронирован столик? — нежно поинтересовалась она.

— Да, Коралловый ярус, — Роджер коснулся панели. Рядом с Морисом он растерял всю свою обычную веселость и вел себя непривычно сдержанно, явно тяготясь давящей аурой генерала.

— Минутку, пожалуйста, — виртуальная хостес изящно отступила в сторону, освобождая проход. Мимика и жесты проекции были настолько естественными, что ее невозможно было отличить от живой девушки.

Заметив изумление на лице Хань Цзина, Морис негромко пояснил:

— Здесь задействованы алгоритмы сверхсветовой технологии FTL — это самая примитивная адаптация принципов гиперпространственного прыжка древних атлантов.

— Понимаю... — Хань Цзин кивнул, хотя, признаться честно, мало что смыслил в сложной научно-технической терминологии. Однако суть он уловил: поразительная технология, оживившая этот фантом, была лишь верхушкой айсберга, простейшей крупницей наследия

Атлантиды. Это действительно была величайшая цивилизация прошлого.

«Если человечество сумеет по-настоящему освоить эти знания...»

Будущее расы рисовалось ему грандиозным и пугающим. Атлантида воистину таила в себе неисчерпаемую сокровищницу тайн.

Они вошли в трансферную капсулу, залитую мягким изумрудным светом и похожую на роскошный лифт из цельного нефрита. Едва тяжелые створки сомкнулись, воцарилась абсолютная тишина. Не ощущалось ни движения, ни малейшей вибрации — казалось, они стоят на месте.

Но по прошествии десяти минут нефритовые стены внезапно утратили цвет и стали кристально прозрачными, открывая взору ошеломляющую панораму коралловых рифов. Нежно-розовые, бледно-зеленые, цвета слоновой кости — кораллы громоздились причудливыми замками, а меж ними сновали стайки пестрых тропических рыб.

«Неужели мы поднялись на уровень мелководья?»

Хань Цзин затаил дыхание, не в силах оторвать глаз от этого великолепного зрелища.

— Это и есть гиперпространственный прыжок, — заговорил Морис. — К сожалению, полностью расшифровать даже базовые принципы технологии нам пока не удалось. Но на этом уровне атланты не устанавливали те защитные коды, о которых упоминал Берджесс.

Он бросил взгляд на замороженного юношу и продолжил:

— Коралловый ярус — жемчужина «Нерея». Отсюда открывается лучший вид на редчайшие заросли красных кораллов и скопления лазурных лунных медуз.

Казалось, у генерала было на редкость хорошее расположение духа. То, что он лично выступал в роли гида для Хань Цзина, изрядно удивило державшегося в тени Роджера.

Зал Кораллового яруса также был окружен водной толщей, но столики здесь были отделены друг от друга матовыми перегородками из узорчатых кристаллов Туаой, создавая уютные уединенные ниши. Привычных официантов в ресторане не водилось: все заказы оформлялись через сенсорные экраны, после чего готовые блюда доставлялись прямо к столу по скрытым автоматическим конвейерам.

— Ну, что закажем? — Роджер, устроившийся у полукруглого панорамного окна, принялся изучать меню. — Местная глубоководная рыба Хунлило и каменная рыба Шицзян славятся своей свежестью. Настоятельно рекомендую.

Морис сидел напротив Хань Цзина — безупречно прямой, сохраняя идеальную военную выправку. Не проронив ни слова, он первым сделал заказ на своем терминале.

Хань Цзин мягко улыбнулся, глядя на генерала. Окружающий пейзаж всколыхнул в его душе целую лавину щемящих, дорогих сердцу воспоминаний.

— Мне, пожалуйста, красного карася Чицзы, морских устриц Хайликэ и камбалу-тюрбо, — попросил он. — И пусть просто приготовят на пару, без лишних специй.

— Хань Цзин... — Роджер в недоумении оторвался от экрана. — Зачем брать то, что можно купить на любом рынке? В «Нерей» приходят ради экзотики, за редчайшими глубоководными деликатесами, которых на поверхности днем с огнем не сыщешь.

— Не стоит, Роджер. Уверен, здешние изыски стоят баснословных денег, — Хань Цзин тепло улыбнулся. Его взгляд, полный нежной грусти, по-прежнему был прикован к Морису. — С этими тремя блюдами у меня связаны самые светлые воспоминания. Я очень давно мечтал снова попробовать их... именно в такой обстановке.

Юноша выразился туманно, и Роджер лишь пожал плечами, ничего не поняв.

Однако Морис отреагировал иначе. На его лице промелькнула тень узнавания, а в глубине синих глаз дрогнуло смятение. Он поспешно отвел взгляд, уклоняясь от этого обезоруживающе нежного взора, и принялся подчеркнуто равнодушно изучать проплывающих за стеклом рыб и колышущиеся ветви багряных кораллов.

Видя его непреклонность, Роджер лишь добродушно усмехнулся:

— Ну, раз ты так печешься о моем кошельке, не стану спорить. С благодарностью принимаю твою заботу! — с этими словами он привычным, дружеским жестом взъерошил волосы Хань Цзина.

— Роджер, перестань! — Хань Цзин поспешно увернулся и смахнул его руку. — Мы же не одни, здесь генерал Морис!

— Да брось ты, — рассмеялся Роджер. — С каких пор ты стал таким недотрогой? Я тебя со студенческих лет так потрепать могу, а ты вдруг засмутился.

Роджер говорил в своей обычной шутливой, слегка легкомысленной манере.

Но Хань Цзин, отчаянно боясь, что Морис истолкует это панибратство превратно, резко оборвал его:

— Роджер!

Тот осекся, нехотя убрал руку и обиженно проворчал под нос:

— Ну и ну... Совсем шуток не понимаешь. Сухарь как есть.

Смущенно покосившись на Мориса, Хань Цзин с облегчением обнаружил, что генерал, похоже, пропустил эту сцену мимо ушей. Он все так же сидел вполоборота к столу, устремив холодный, задумчивый взор в глубину коралловых садов.

Кухня в «Нерее» работала безупречно быстро. Вскоре на конвейере появились тарелки. Морис, как выяснилось, заказал три блюда, и два из них — красный карась Чицзы и устрицы Хайликэ — в точности совпадали с выбором Хань Цзина.

Роджер понимающе хмыкнул:

— Надо же, господин генерал, а у вас с Хань Цзином много общего. Даже гастрономические пристрастия совпадают!

Морис лишь сухо кивнул. Расположение духа, казавшееся поначалу благодушным, бесследно испарилось; он вновь превратился в непрístupную ледяную глыбу. Молча опустив взгляд на тарелку, он принялся за еду, безукоризненно и с аристократическим изяществом орудуя приборами.

Роджер пытался оживить беседу, травя забавные байки и делясь последними слухами, Хань Цзин вежливо поддерживал разговор и улыбался, но Морис упорно хранил молчание, изредка бросая лишь односложные реплики.

В конце концов за столом воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь негромким перестуком столовых приборов. Хань Цзин украдкой наблюдал за соседом. Ему не давала покоя мысль, что эта внезапная перемена настроения вызвана вольностью Роджера.

«Но неужели Морис... действительно разозлился из-за меня?»

Один взгляд на безупречное, холодное лицо генерала, напоминавшего строгого ангела из льда, рассеивал последние остатки этой робкой надежды.

— Просту меня извинить, мне нужно отлучиться, — наконец не выдержал Роджер. Тягостная атмосфера за столом душила его, и он поспешил ретироваться под благовидным предлогом, просто чтобы перевести дух.

Хань Цзин кивнул, провожая его взглядом. Оставшись наедине с безмолвным генералом, он не

выдержал и заговорил первым:

— Мы с Роджером дружим со студенческой скамьи, уже шесть лет. Но между нами никогда не было ничего, кроме приятельских отношений.

Морис замер, отложил приборы и медленно поднял на него свои холодные синие глаза:

— Вы не обязаны передо мной отчитываться.

— Но я хочу этого! — с горячностью выпалил Хань Цзин, поддавшись внезапному порыву.

Он сам испугался собственной смелости и осекся. Взгляд Мориса дрогнул, выдавая секундное замешательство.

Хань Цзин заставил себя успокоиться и, глядя прямо в лицо генералу, тихо, но твердо произнес:

— Я просто не хочу, чтобы вы поняли меня неправильно... Морис. То есть... генерал Морис.

Столовые приборы в руках Мориса негромко звякнули о фарфор. Эта секундная оплошность выдала его с головой: генерал сам не понимал, откуда в его груди взялось это внезапное, непрошеное волнение.

Сделав глубокий вдох, Хань Цзин решился озвучить вопрос, который не давал ему покоя с самой первой минуты:

— То, что меня распределили в сектор Роедлас... в одни апартаменты с вами — ведь это не было случайностью?

Воздух вокруг них словно остыл еще на несколько градусов. Морис молчал, буравя юношу тяжелым, ледящим душу взглядом.

«Глупец, и зачем я только спросил...»

На губах Хань Цзина застыла вымученная улыбка, а в глазах отразилась глубокая, неизбывная тоска.

— Это был мой приказ, — негромко произнес Морис.

Голос его оставался безучастным, но у Хань Цзина от этих слов сладко заныло сердце, а взгляд вспыхнул новой, отчаянной надеждой.

Однако Морис не собирался ничего объяснять. Он опустил ресницы и вернулся к ужину, как ни в чем не бывало.

Снова воцарилось молчание. Лишь спустя какое-то время Хань Цзин отвел взгляд в сторону, наблюдая за тем, как мимо багровых ветвей коралла плавно скользит камбала-тюрко.

Память услужливо воскресила яркие картины иллюзии Атлантиды. Там они с Морисом проводили дни и ночи в ласках, словно проживая бесконечный круг перерождений... Под сменяющимися друг друга солнцами, в калейдоскопе зыбких миров неизменным оставалось лишь одно — они сами, их близость и преданность друг другу. Они провожали приливы и отливы, собирали ракушки на мелководье, ловили рыбу и вели простую, безмятежную жизнь вдали от мирской суеты.

Сердце Хань Цзина затрепетало. Его взгляд затуманился, унося его сквозь толщу времени и пространства обратно, в ту незабвенную грезу, ставшую частью его души.

Морис, похоже, тоже поддался этому настроению. Он задумчиво созерцал подводный пейзаж, но вдруг резко поднялся. В его глазах отразилось сложное, нечитаемое чувство.

— Прошу прощения, у меня возникли неотложные дела, — сухо бросил он. — Передай Роджеру, что мне пришлось уйти.

Прежде чем Хань Цзин успел проронить хоть слово, генерал коротко, со свойственным ему изяществом кивнул и стремительно покинул зал.

<http://bllate.org/book/19677/1951417>